

О ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМАХ ЗНАКОВОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Л. А. АБРАМЯН

1.1. В науке о человеческом языке, как и во всех сферах знания, неизбежно, хотим мы того или нет, возникают теоретические вопросы, которые невозможно не только разрешить, но и более или менее осмысленно сформулировать, не прибегая к опыту философского мышления. Обсуждение таких вопросов наталкивается на трудности особого рода - на методологические и гносеологические противоречия. Сама постановка этих проблем в немалой степени зависит от того, как мы вообще мыслим.

Думающего человека, естественно, не могут не смущать громоздящиеся вокруг него горы книг, в которых с давних пор обсуждаются любые предметы его размышлений. Тем не менее мысль о том, что "вечные вопросы" до сих пор, несмотря на все попытки, никому не удалось отметить, придает нам все же некоторую смелость.

1.2. Философские вопросы, относящиеся к знаковой теории языка, при всей их, так сказать, умозрительности, затрагивают предмет самой науки о языке. Сегодня странно выглядел бы лингвист, который стал бы утверждать, что вопрос о природе языкового знака не имеет, мол, прямого отношения к его научным занятиям... Другое дело, что контраверзы, имеющие гносеологическую и методологическую природу, возникают, конечно же, не на эмпирическом уровне исследования.

1.3.1. Представления о языковом знаке (об имени) первоначально разрабатывались, как известно, в русле философского познания. Но не такова ли была судьба и многих других понятий? Впрочем, древние любители мудрости, надо признать, питали к языку совершенно особый интерес. В эпоху античности принято было даже считать - "тот лучший философ, кто лучший грамматик".

1.3.2. В "Антропологии" И. Канта говорится: "самый лучший способ обозначения мыслей есть обозначение с помощью языка, этого величайшего средства понять себя и других"¹. Итак, лучшее средство понять и других, и себя... И все же в кантовской теоретической философии проблема языка, можно сказать, полностью отсутствует: ведь языковые формы не принадлежат, с ее точки зрения, к числу априорных - всеобщих и необходимых - форм.

1.3.3. Нельзя без серьезных возражений согласиться с упреком, который иногда делают Гегелю, - будто анализу понятия языка у него уделено слишком мало места.² Не всегда помнят, что этому мыслителю принадлежит оценка, имеющая отношение не только к лингвистике, но и к общей

¹ И. Кант. Антропология с практической точки зрения. - Соч. в шести томах. Т.6. М., 1960, с.430.

² "Из 577 параграфов "Энциклопедии философских наук" Гегеля всего один посвящен языку. Или самое большее четыре..." (Мишель Гурина. Философия. М., 1998, с. 390).

теории знаков: "Знак следует рассматривать как нечто весьма важное"³.

Особого внимания, думается, заслуживают слова, брошенные Гегелем как бы вскользь: членораздельный звук, ставший средством выражения определенных представлений, - это "речь и её система, язык"⁴. Вспомним, что это было сказано за целое столетие до того, как в лингвистике утвердилось различение языка и речи.

1.4. Не раз доводилось слышать, что в XX веке главный интерес философских размышлений сосредоточился на проблеме языка. Говорят даже, что, на современный взгляд, homo sapiens - это, в сущности, homo significans (человек, производящий знаки)⁵. В этой оценке явно отразилось влияние, которое в новейший период имели такие направления мысли, как логический анализ языка, герменевтика, структурализм. Сказалось также воздействие семиотического мышления, распространившего знаковую точку зрения на широкие области знания, в которые, кроме лингвистики, были вовлечены этнография и культурология, литературоведение и искусствоведение.

Но действительно ли язык занимает центральное место в новейшей философии? Если это верно, то потому, собственно, что это один из важнейших аспектов проблемы человека: нельзя понять природу этого необычного существа, не зная, чем для него является язык.

1.5. Семиотические авторитеты, примыкавшие к третьему позитивизму и к прагматизму, не снисходили до вненаучных, на их взгляд, проблем, унаследованных от прежней, спекулятивной метафизики. Последователи Огюста Конта чуть было не поверили, что наука - сама себе философия. Впрочем, у философии, полагали они, ещё есть возможность спасения: для того, чтобы она стала научной, ей необходимо вооружиться строгими методами, не в последнюю очередь - семиотическими. Именно теория знаков, писал Ч. Моррис, "обещает осуществить одну из задач, традиционно считавшихся философскими"⁶. Эти проблемы решит некая новая "Унифицированная наука", отождествляемая с "системными аспектами чистой и дескриптивной семиотики"⁷. Увы, уже к середине прошлого века стало, в общем, ясно, что этим надеждам не суждено было сбыться.

1.6. Адепты новейшей семиологии не помышляют ныне ни о какой научности или даже наукообразности. Напротив, они гордо подчеркивают свои расхождения со всей линией рационализма.

Между тем теоретические притязания самой семиологии (или поэтики, или также риторики) никак нельзя признать достаточно обоснованными. П. Рикёр - благодаря тому, что он, не в пример многим своим знаменитым коллегам, питал определенный интерес к истории философской мысли, - ясно видел, что их смелые, на первый взгляд, новации представляют собой, в сущности, переизложение на семиологический манер декартовского "cogito" и трансцендентальной апперцепции И. Канта⁸.

2.1. Если верно, что в начале было слово, то оно, надо думать, было словом какого-то языка. (Договоримся не спрашивать, какого: не о том сейчас речь.)

³ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М., 1997, с. 294.

⁴ Там же, с. 295.

⁵ Жерар Женнет. Работы по поэтике. Фигуры. Т.1.М., 1998, с. 191.

⁶ Ч. Моррис. Основания теории знаков. В кн.: Семиотика. М., 1984, с. 88.

⁷ Там же.

⁸ См. П. Рикёр. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1993, с. 306.

Существует огромное расстояние - длиною почти в две с половиной тысячи лет - между признанием слова (имени) знаком и взглядом на язык как на знаковое системное образование. В XX веке структуралистическое мышление, прежде всего в лингвистике, стало возможным, потому что в науке утвердилась системно-знаковая точка зрения на язык.

2.2. Поскольку язык не что иное, как знаковая система, следовательно, полагал Ф. де Соссюр, лингвистика является частью общей теории знаков⁹. Но соотношение между этими научными дисциплинами можно мыслить иначе: если в числе свойств языка имеются и такие, которые позволяют рассматривать его в качестве знаковой системы, лингвистика вправе пользоваться также семиотическими методами.

2.3. Ставшие классическими соссюровские различия языка и речи, синхронии и диахронии, а также внутренней и внешней стороны языка дали взгляду на язык как на знаковую систему необходимое обоснование. Понятие о языке как о "чистой форме" стало возможным благодаря отвлечению от речи, от диахронии, от "материи". И именно знаковая точка зрения оставляет всё это за пределами своего внимания, подобно скульптору, отсекающему всё лишнее.

2.4. При широком признании научным сообществом соссюровских дистинкций возражения против них время от времени возобновляются. "Размышлять о языке,- писал не так давно П. Рикёр,- значит размышлять о том, что Соссюр разъединил"¹⁰.

Так, может быть, в соссюровском различии (но, естественно, не в "разъединении") не было необходимости? Чем, собственно, она была вызвана? Думается, тем, что представление о целостности, если оно не предполагает никакого саморазличия, при всех своих достоинствах, остается непроанализированным представлением. Исходное целое, которое Ф. де Соссюр, кажется, не совсем удачным образом называл речевой деятельностью, представляет собой, на его взгляд, результат наложения друг на друга ряда совершенно различных реальностей: "Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального, и к сфере социального"; а вследствие этого "неизвестно, каким образом всему этому можно придать единство"¹¹.

Конечно, в идеале было бы желательно удерживать перед своим мысленным взором исследуемый предмет во всей его целостности и вместе с тем отчетливо различать все его отдельные грани. Но можно ли и того, и другого достигнуть одновременно и с равным успехом? Скорее следует полагать, что гейзенберговский принцип соотношения неопределенностей имеет очень широкое применение: чем большего мы добиваемся в одном отношении, тем большим вынуждены жертвовать в другом.

2.5. Тому, кто основополагающую соссюровскую дистинкцию "язык/речь" не отвергает, необходимо задуматься над тем, как она сказывается на формах существования языка и речи, раз уж мы стали последовательно, на всех уровнях различать системообразующие единицы теперь уже отличенных друг от друга языка и речи.

Сначала о речи. Кажется, не должно вызывать больших сомнений то,

⁹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. - В его кн.: Труды по языкознанию. М., 1977, с. 54.

¹⁰ П. Рикёр. Указ. соч., с. 132.

¹¹ Ф. де Соссюр. Указ. соч., с. 48.

что речь, как акт реального осуществления коммуникации между Иксом и Игреком, развертывается в пространстве и времени, каждый раз - здесь и теперь. Иначе дело обстоит с речью, понимаемой в более отвлеченном смысле, - в том случае, например, когда предметом рассмотрения служат особенности письменной речи: пространственную характеристику она тогда полностью утрачивает, а присущая ей временная линейность становится чем-то близким бергсоновской чистой длительности.

Что касается языка как знаковой системы, то в качестве синхронического объекта он оказывается изъятым из течения времени, из диахронии. На вопрос же о его месте в пространстве (где находится язык как система отношений?) возможны два странных, на первый взгляд, ответа: в обычном, физическом пространстве - нигде; в качестве идеального объекта - в сознании трансцендентального субъекта (И. Кант), в коллективном (Э. Дюркгейм) или общественном (К. Маркс) сознании. И, следовательно, язык, что бы у нас прежде ни говорилось о его "отягощенности материей", составляет достояние человеческого духа.

2.6. Различение языка и речи, очевидно, должно как-то отразиться на судьбе и другой многострадальной проблемы - вопроса о функциях языка.

То, что язык служит средством общения, можно считать общим местом. Но при этом не имеется ли в виду обычно единый, нерасчлененный предмет - язык в целом? В отличие от этого, если ученый настаивает на том, что речи свойственна одна функция - коммуникативная (такую точку зрения в своё время отстаивал С. Л. Рубинштейн), то тем самым предполагается, что функции языка и речи должны рассматриваться раздельно, хотя об этом и не говорится прямо.

Иногда под речью имеют в виду не процесс общения (определенный Соссюром как акт воли и разума), а способ осуществления коммуникации. В самом деле, речь как вербальную форму общения можно отличать от невербальных форм - таких, как мимика, жест и т.п. Понятно, что относительно способа осуществления коммуникации излишне было бы утверждать, что им выполняется функция коммуникации: ведь такое суждение было бы тавтологичным.

Каковы же тогда функции речи? Думается, что, опираясь на К. Бюлера, за нею можно было бы признать две функции - экспрессивную и воздейственную, т.е. функцию выражения некоторого содержания сознания и функцию воздействия на сознание и поведение другого.

Если, таким образом, речь - это такой способ общения, который осуществляется посредством языковой знаковой системы, то язык есть сама эта знаковая система. Давая речи форму, закон, правило, язык служит орудием, необходимым для человеческого общения.

Вместе с тем язык стоит в определенном отношении к внеязыковой реальности. Здесь он берет на себя интеллектуальную задачу - функцию знакового моделирования мира. Языковое мышление зарождается уже там, где знак, выделяя обозначаемый предмет из неопределенно мыслимой сферы, начинает вносить в неё какой-то порядок: знак относит обозначаемое к некоторой предметной области, которая получает определенность благодаря её дифференциации средствами системы данного языка.

В простейшем случае два связанных друг с другом знака, составляющие элементарную знаковую систему (пусть это будут "+" и "-"), способны в абстрактной форме воспроизвести отношения между двумя обозна-

чаемыми вещами. При всей немотивированности отдельного знака отношения между знаками в языке, имеющем какое-то применение, не приходится считать необусловленными. Языки лишь на первый взгляд отличаются друг от друга тем, что одним и тем же предметам они дают разные названия. Между ними имеется различие совершенно иного рода: это различные системы анализа - они по-разному моделируют внеязыковую реальность.

Не разделяя слишком далеко идущих гносеологических выводов, которые иногда делаются из гипотезы Сепира-Уорфа, будто логическая структура мышления детерминирована структурой языка, надо все же признать, что язык, оперирующий только двумя знаками, способен провоцировать черно-белую логику.

3.1. Обратимся теперь к вопросу, имеющему фундаментальное значение для знаковой теории языка, - как трактовать тезис о том, что слово - основной элемент лексической системы языка - является знаком. Понятно, что на этот вопрос нельзя ответить, не выяснив себе, что, собственно, понимается под знаком. Правда, общее представление о знаке всем знакомо. Но, как учит опыт философского мышления, составить более или менее продуманное понятие о том, что каждому знакомо, совсем не так легко.

3.2. Для начала согласимся с теми, кто полагает, что роль знака выполняет чувственно воспринимаемая вещь. Тем не менее знак - нечто большее, чем просто вещь. В то время как вещь является предметом чувственного созерцания, знак расшифровывается, разгадывается, расколдовывается. Согласно метафоре Гегеля, знак - это "пирамида, в которую переносится и в которой сохраняется чья-то чужая душа"¹².

Природа знака глубоко противоречива: он принадлежит одновременно и к чувственному миру, и к сверхчувственному. Это соответствует идущему от стоиков представлению, согласно которому знак есть единство воспринимаемого и понимаемого.

3.3. Назначение и роль знака состоит в том, что он что-то обозначает, на что-то указывает, к чему-то отсылает, о чем-то напоминает, что-то с чем-то соотносит. Но, странное дело, все это он делает не для себя. Форма существования знака - это, если воспользоваться гегелевским термином, "бытие-для-другого": вещь служит знаком только для того, кто способен интерпретировать её как знак. Отсюда становится ясным, что слово как языковой знак, адресованный человеку, потому и может принадлежать сверхчувственному миру, что сверхчувственной (идеальной) природой обладает человеческая духовность.

3.4. Знак является знаком потому, что обладает особым, собственно знаковым, свойством - значением. Нет знака без значения. Вещь, служащая знаком, лишённая этого атрибута, возвращается к своей вещной природе.

Раз значение есть свойство, оно, как и всякое свойство, согласно обычному способу мышления, имеет своего носителя, каковым при определенных условиях и становится вещь-знак. Признав это, необходимо, однако, четко отмежеваться от наивно-реалистического взгляда, будто значение в качестве атрибута принадлежит самой вещной субстанции и обусловлено телесным, физическим бытием вещи. Напротив, значение представляет собой сверхфизическое свойство, и в этом смысле можно, наперекор здравому рассудку, сказать, что это свойство именно знака, а не вещи.

¹² Гегель. Указ. соч., с. 294.

4.1. Вернемся немного назад (см. 3.1.) и ещё раз спросим себя: на чём основана семиотическая концепция, согласно которой слово естественно-го языка может рассматриваться как своего рода знак?

Одно время значительная, если не подавляющая, часть российских лингвистов и философов склонялась к двойственному решению: если слово и является знаком, то лишь отчасти, потому что оно включает в себя два совершенно различных компонента - звучание, имеющее знаковый характер, и мысленное содержание; последнее и есть лексическое значение слова; однако же эта сторона не обозначает предмет, а отражает его. В итоге, с этой точки зрения, слово, будучи соединением знакового и незнакового начала, обозначает предмет и "выражает" своё значение¹³.

4.2. За таким пониманием языкового знака можно признать то достоинство, что оно относит значение к сфере языкового сознания. В отличие от этого, в некоторых логико-семиотических теориях знаковому значению придается онтический статус: мол, значение знака - это сам предмет обозначения¹⁴. Возможность такого подхода объясняется отчасти тем, что современная логика последовательно отвлекается от познающего субъекта и его сознания; она отказывается от того, чтобы искать свои основания в психологической сфере.

Думается, что идея "семиотики без субъекта", если под ней имеется в виду общая теория знаков, несостоятельна. Невозможно полностью отвлечься от того, что в семиозисе многое зависит от того, кто и как пользуется знаками. Да и как понимать утверждение о том, что, скажем, в роли значения слова "волк" выступает само это животное? Неужели то самое, что рыскает в лесу? Но вправе ли мы упускать из виду, что значение слова "волк" обитает не в лесу, а в языке?

4.3. С другой стороны, прямое включение мысленного содержания сознания непосредственно в структуру языкового знака - на правах его значения - создаёт опасность сведения лингвистической категории (лексического значения слова) к логической или гносеологической категории (к понятию).

Лексическое значение слова и понятие (или, соответственно, представление) иногда отождествлялись вполне явным образом - в результате, например, такого рассуждения: "В зависимости от того, воспринимаем ли мы данное мыслительно-языковое образование с точки зрения мыслительного процесса или языкового (то есть в зависимости от того, на какой из двух сторон мы концентрируем наше внимание), оно выступает или как понятие (содержание понятия), или как значение слова. Никакого иного различия между понятием и значением (того же самого типа) нет"¹⁵.

Такого "совпадения", однако, не должно быть. И вот почему. Когда наше внимание мы организуем по-разному, в нашем сознании появляются не одни и те же предметы. Различию между точками зрения языкознания и логики соответствует различие в признаках предметов, относящихся к

¹³ См. А. Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. М., 1962, с. 209-210.

¹⁴ См. Б. Рассел. Описание. - В кн. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII, М., 1982, с. 48.

¹⁵ А. Шафф. Введение в семантику. М., 1966, с. 290. Оговорка относительно сопоставления явлений "того же самого типа" касается различия между обыденными представлениями и научно-теоретическими понятиями. Полагают, что в семантике естественного языка закрепляются представления обыденного сознания, в то время как строгое мышление оперирует научными понятиями. Существенно, однако, то, что в любом случае речь идет о формах сознания.

их компетенции. Или, лучше, наоборот: различие между точками зрения осмысленно тогда, когда существует различие между предметами.

Любопытно, что во имя сохранения целостности прежде мы отказывались от различия между языком и речью, а теперь - между языком и мышлением...

4.4.1. В ответ на возражения, направленные против отождествления лексического значения слова с гносеологическим образом, порой можно было слышать заявления, что одно, разумеется, не сводится к другому. Но при этом никому, к сожалению, не удавалось показать, чем, собственно, отражение предмета обозначения, выдаваемое за значение слова, отличается от воспроизведения этого предмета в таких познавательных формах, как понятие или представление. Имелись декларации по поводу того, что между тем, как слово "выражает" своё значение, и тем, как в нем выражается понятие, должно существовать какое-то различие. Объяснения же того, в чем же это различие заключается, получались довольно невразумительные.

Самый поиск различия, которое почему-то все время исчезало, велся подчас в неверном направлении. Показательна попытка, предпринятая в свое время В.В. Виноградовым: "Слово относится к действительности, отражает её и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от логико-семантической системы данного, конкретного языка, а в нераздельной связи с ней, как её составной элемент"¹⁶. Такой способ размежевания мог бы иметь разумный смысл только при одном условии - если бы нам вдруг вздумалось утверждать, что понятие, в отличие от слова, воспроизводит реальность изолированно, в отрыве от той логико-семантической системы, к которой оно, понятие, принадлежит.

4.4.2. В рассматриваемой здесь нами концепции можно видеть ещё и другой недостаток. Допустим, что слово действительно включает в себя два элемента - знаковый и незнаковый (см. 4.1.). При таком предположении получается, что значение дважды выступает в этом своём качестве - один раз в роли того, что называется значением слова, а другой раз - в роли значения внешней стороны слова, признаваемой за знак. При этом, если в первом случае, по отношению к слову, значение оказывается его внутренним компонентом, то во втором случае знак (каковым считается звучание слова) и значение превращаются в две внеположенные друг другу субстанциональные сущности, т.е. значение знака оказывается выведенным за его пределы.

4.5. В связи с этими несообразностями приходится задуматься над вопросом общесемиотического порядка: можно ли считать значение знака вообще чем-то таким, что находится вне знака? Ученому, склонному к отделению значения от знака, легко прийти к оригинальному мнению: "значение - категория неязыковая и невыводимая непосредственно из знаковой структуры языка; языковой знак, следовательно, не включает в себя значения"¹⁷. Это "следовательно" нужно понимать немножко наоборот: из того, что знак не содержит в себе значения, делается вывод, что "значение" не является лингвистической категорией.

После этого уже не надо будет удивляться, если выяснится, что в том или ином изложении семиотической азбуки понятие значения вообще отсутствует.¹⁸ Чтобы голова не болела, проще всего, конечно, её отрубить.

¹⁶ Цит. по кн.: А. Ф. Лосев. Указ. соч., с. 207.

¹⁷ А. Г. Волков. Язык как система знаков. М., 1966, с. 69.

¹⁸ См. Ю. А. Шрейдер. Логика знаковых систем. М., 1974.

4.6. Если знаковое значение нельзя отделить от знака, если одно из них не находится вне другого, то ведь, с другой стороны, нет смысла искать значение и "внутри" вещи, служащей знаком, поскольку там, "внутри", нет ничего, кроме вещиности.

Поскольку значение, таким образом, не может пребывать ни вне знака, ни "в" нем, приходится предположить, что оно не является чем-то пространственно локализованным. Вопрос относительно местонахождения значения ("Где?"), следовательно, снимается.

Намеченная выше (см. 3.3.) трактовка (значение есть свойство) имеет то преимущество, что избавляет от необходимости это свойство куда-то помещать. И, кстати, понимание значения как свойства соответствует общеупотребительному обороту речи - "знак имеет значение".¹⁹

4.7. В качестве отношенностного феномена знаковое значение принадлежит к тому роду свойств, которые, подобно экономической меновой стоимости, не только обнаруживаются в отношениях, но и впервые в них возникают.

Для политэкономии меновая стоимость - это, в сущности, отношение между людьми. О каких же отношениях идет речь в данном случае? Для самой общей постановки вопроса достаточно того, что о знаковом значении говорится в глоссематике Л. Ельмслева и семиологии Р. Барта: это отношение между означающим и означаемым.²⁰ Знак имеет значение для того, кто способен соотнести означающее и означаемое. В более широком плане значение можно понимать как семиотическое свойство, обусловленное всей системой взаимно опосредующих друг друга отношений, лежащих в основе знаковой ситуации.

4.8. Знаковое значение не является однородным образованием. Принято выделять значения трех родов - синтаксическое (грамматика), семантическое (лексикология) и прагматическое (стилистика). Синтаксическое значение обычно рассматривается как отношение между знаками внутри языковой системы (парадигматика и синтагматика), а прагматическое значение - как отношение между знаком и адресатом. И, следовательно, не только лексическое значение слова может мыслиться как отношение.

5.1. Выполняя так называемую семасиологическую функцию, т.е. выражая то или иное содержание сознания, слово не непременно вместе с тем обозначает действительно существующую вещь. Когда языковой знак не имеет эмпирической интерпретации, когда он служит для обозначения только предмета мысли, означаемое является идеальным объектом.

5.2. Пушкинская поэтическая строка - "над вымыслом слезами обольюсь" - подсказывает, что граница между вымыслом и не-вымыслом - уже сама по себе проблема.

5.3. Обозначение во всех случаях является опосредованным отношением. В этом смысле нет существенного различия между именем и дескрипцией, между денотацией и коннотацией. Уже с момента своего рождения любое обозначаемое оказывается вовлеченным в сферу своенравного языкового сознания.

¹⁹ Знаку в некоторых работах по языкознанию приходится то "выражать" значение, то все-таки его "иметь". Между тем обыкновенная языковая интуиция должна была, казалось бы, подсказать простую вещь: если знак "выражает" понятие, он не может в то же время его "иметь".

²⁰ См. Р. Барт. Основы семиологии. - В кн.: Структурализм: "за" и "против". М., 1975, сс. 127 и 135.

5.4. Из того, что любая вещь внешнего мира предстает перед нашим мысленным взором в виде означенного предмета, из того, что человек не может осваивать действительность, не пользуясь своим языком, постструктурализм, следуя логике Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера, провозглашает тезис: "Мой мир - это мир моего языка". При этом постмодернизм невольно выдает тайну подобного способа мышления: это совершенно очевидно, что мой мир не существует без моего языка. Выясняется, что, когда приверженцы современного фикшеанства, эпатируя публику, дерзко заявляют - "ничего не существует вне текста", они чуть-чуть лукавят. Они забывают прибавить два слова - "для меня".

5.5. Вопреки намекам на новые варианты философии субъективного идеализма, наши высказывания о мире означаемых имеют определенное отношение к тому объективно-реальному миру, который не нуждается, для своего существования, в помощи и посредничестве нашего языка. Ни мышление познающего субъекта, ни его язык не составляют *ratio essendi* (основание бытия) внешнего мира.²¹ Уходя от этого, можно прийти в конце концов к тому, что язык существует только для того, чтобы мы могли говорить о самих себе.

5.6. В "ирреальной реальности языка", о которой так любил рассуждать Р. Барт²², нет ничего, что могло бы свергнуть думающего человека в растерянность. Под ней он вправе разуть реальность идеального - реальность идеальных объектов, конструируемых творческим мышлением. Но дело в том, что философия языка нуждается ещё и в другом понятии о языковой реальности: это внеязыковая реальность - в том виде, в каком она видится языковому сознанию.

Լ. Ա. ԱԲՐԱՀԱՄԹԱՆ - Լեզվի նշանային տեսության փիլիսոփայական հիմնահարցերի մասին: - Հոդվածում քննարկվում են «նշանային համակարգ», «նշան», «նշանակություն» հասկացությունները. քննադատական վերլուծության են ենթարկվում արդի լեզվաբանությունում տարածված նշանաբանական որոշ պատկերացումներ, բացատրվում է «հարաբերություն» կատեգորիայի էվրիստիկական դերը:

²¹ В таком смысле, согласно новейшим интерпретациям Л. Витгенштейна, нужно понимать и его пресловутый "солипсизм": язык не создает мир, но он задает ту сетку, которая определяет принципы конструирования картины мира. (См. Е. Д. Смирнова. Логика и философия. - Вопросы философии, 2000, N12, с. 48.)

²² См. Р. Барт. Семиотика. Поэтика. М., 1989, с. 44.